

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
В55

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

Фотографии на обложке предоставлены ФГУП МИА «Россия сегодня».

Вверху: Девушки-бойцы местной противовоздушной обороны (МПВО) несут боевое дежурство на крыше дома № 4 по улице Халтурина (Миллионной).
©Борис Кудояров/РИА Новости

Фото автора: Писатель Всеволод Витальевич Вишневский. Фрагмент фото: Кинорежиссёр Александр Петрович Довженко и писатель Всеволод Витальевич Вишневский. 1936 год. ©Владимир Минкевич/РИА Новости

Художественное оформление — *Григорий Калугин*

Вишневский, Всеволод Витальевич.

В55 Ленинград. Дневники военных лет. 2 ноября 1941 года — 31 декабря 1942 года / В.В. Вишневский. — Москва : Издательство АСТ: ОГИЗ, 2024. — 416+[8 ил.]: ил. — (*Военный дневник*).

ISBN 978-5-17-164229-7

Всеволод Витальевич Вишневский (1900—1951) — русский и советский писатель, журналист, киносценарист и драматург — провел в Ленинграде тяжелые месяцы осени и зимы 1941 года, весь 1942-й, 1943-й и большую часть 1944 года в качестве политработника Военно-морского флота и военного корреспондента газеты «Правда». Писатель прошел через все испытания блокадного быта: лютую зимнюю стужу, голод, утрату близких друзей, болезнь дистрофией, через вражеские обстрелы и бомбардировки города.

Еще в начале войны Вишневский начал вести свой дневник. В нем он подробно записывал все события, рассказывал о людях, с которыми встречался, и описывал скудный ленинградский паек, уменьшавшийся с каждым днем. Главная цель дневников Вишневого — сохранить для истории наблюдения и взгляды современников, рассказать о своих ошибках и победах, чтобы будущие поколения могли извлечь уроки. Его дневники являются уникальным художественным явлением и памятником Великой Отечественной войны.

В осажденном Ленинграде Вишневский пробыл «40 месяцев и 10 дней», как он сам записал 1 ноября 1944 года. В книгу вошли дневниковые записи, сделанные со 2 ноября 1941 года по 31 декабря 1942 года.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Я сам еще не могу разобраться в своих ощущениях, рожденных войной, вернее — синтезировать их... Это и глубокая радость: велик, могуч русский народ; это и неизбежная горечь, рождаемая человеческими муками, страданиями; это — некий холод наблюдений.

В.В. Вишневский. 25 мая 1942 г.

2 ноября 1941 года.
(134-й день войны.)

Пристань, патрули, мягкая, свинцово-серая ночь, бульвар, Морской собор, запахи бензина. У кассы — голубой свет. Зимние неуклюжие фигуры людей, кашель, ожидания, табачный дым, очередь, ветер за дверьми, а на том берегу мерцание немецких ракет. Все уже привычно — *быт!* Народ наш не потерял душу, себя — он не нервозен, а неизменен, прост, силен, но еще (увы!) есть ряд старых недостатков.

Пассажирское судно... Темно... Летят искорки из трубы.

Вспомнил зиму 1918—1919 годов — Кронштадт, Нижний Новгород.

Молодость меня кидала куда попало, а сейчас все как-то знакомее, *привычнее*, но бешено интересно.

Теплота пассажирского салона, плач ребенка, чей-то храп. Идем мимо занятых немцами петергофско-стрельнинских берегов... Заснул... Сквозь сон — на Неве — орудийные выстрелы. Проснулся от громоххания якорной цепи. Пришли к семи утра.

Трамваем № 34 — на Каляеву.

О родной город! Утренний, огромный, трудовой, осадный. Желтые вспышки залпов; голубые искры у трамвайных проводов. Рассвет... С детства милые мне здания: вестники победы у Конногвардейского бульвара, Исаакий... На витринах деревянно-песочные щиты.

...Немцы сбрасывают на город листовки: «Отдохнем и возьмем в *будущем* году Ленинград и Москву». Ого! Сбавляете тон и темпы? Мы еще поговорим с вами в 1942 году!

Сообщили о статье Эренбурга. Судя по ней, бомбили городок писателей Переделкино. Но это только деталь. Москва стоит, бьется, контратакует.

К трем часам обед: кислая капуста, рыбный суп, хлеб, пиво, чай — «пиршество»!

Мне вручили телеграмму от С.К.¹ от 29 октября. Не имеет долго от меня вестей, только «Правда» ей сообщает, что может.

Настроение у меня бодрое, приподнятое. Хорошо ощущать себя здоровым, чистым — помылся, переделся, побрился... Поковырялся в своем чемодане. Это напомнило мне Москву, дом, семью — заботливо уложенные вещи, мелочи... (С.К.!).

Был в разведывательном отделе штаба КБФ. (Уютная старая гостиница на Знаменской.) Последняя информация: Геббельс вынужден признать перспективу затяжной войны и зимней борьбы.

Россия первая остановила Гитлера... Шведская пресса иронизирует над немцами. Очередные лживые немецкие сводки: «Артиллерийский обстрел военных объектов в Ленинграде». Ложь! Бьют как попало...

На Ладоге напряженная работа, перевозки, приготовления на берегу. Озеро замерзнет к декабрю. Тогда — ледовая трасса. По ней доставлять грузы будет труднее. Могут быть лыжные набег и авиационные налеты.

Немцы стремятся к Тихвину.

На Юге Тимошенко обороняет Ростов. В Крыму немцы прорвались. На сегодняшний день фронт может быть таким: Мурманск — Ленинград — Кронштадт — Новгород — Клин — Московский фронт — Донбасс — Ростов. За зиму необходимо интенсивнейше укрепиться, развернуть оборонное производство!

Пять часов. Радио: наше наступление! (Кажется, прорван немецкий фронт.)

¹ Софья Касьяновна Вишневецкая — жена и друг В.В. Вишневецкого, театральная художница, литератор.

3 ноября 1941 года.

(135-й день войны.)

Сводка. Ожесточенные бои в Крыму.

Тихо... С громадным удовольствием прошелся по городу — Литейный, Фонтанка, Невский... Минутами забвение — будто нет войны.

Снег, мягко...

Достать Достоевского, Бальзака, Гамсуна.

...В городе «втихую» спекулируют: буханка хлеба 60 рублей, мешок картошки 300 рублей (!), килограмм масла 1200 рублей. Гады!

В общественных столовых кормят вареной кормовой свеклой, чечевицей (без жиров)...

Уже есть заболевания цингой, дистрофия...

К шести часам вечера — в Дом партактива. Там собрались агитаторы, делегаты на фронт, инструктора и пр. С огромным подъемом сделал доклад об Отечественной войне. Широко взял тему России, ее историю...

В 11 часов ушел. Потрясающая лунная ночь, — полная луна, легкий мороз, затемненный город, тишина...

Ленинград изумителен... Строг... Шел, впивая его...

4 ноября 1941 года.

(136-й день войны.)

Встал в 9.30 утра.

Сводка. Бои по всему фронту, особо ожесточенные в Крыму и у города Калинина.

Солнечный, чудный зимний день.

Еду на базу подводников. Беседа с командиром Мыльниковым. Записал рассказы о действиях подводных лодок.

На редкость подъемное настроение — опьяненность городом, солнечным зимним днем, Невой, великолепным видом кораблей, дворцами (на них уже первые следы разрушений).

У кораблей — женщины... Ждут мужей.

Встретил нескольких писателей... Ушло все это далеко...
Есть освобожденность духа, мысли, отрешенность от былого «бытика», литературных ссор. Вновь я захвачен войной, рецидивом эпоса Гражданской войны!

Москва ждет нового удара немцев. Это, может быть, «подарок» к Октябрю? Напряжение сил, призывы. Повсеместно — упорные бои... Выдержать, товарищи!

Кавалерийский рейд Городовикова — на город Г. (Гжатск?).

Передовая «Правды» — бейте танки врага!

Противник продолжает нажим. Пока что имеет преимущество в танках. Все виды обороны против танков!

Работал над новым очерком для «Правды».

В одиннадцать вечера еду (по вызову) в Военный совет КБФ. Дали мне радиобюллетени и иностранные обзоры об СССР. — Немецкое сообщение о занятии Феодосии. США близки к вступлению в войну; Япония выжидает. Финляндия отказалась выйти из войны (в ответ на ультиматум США)...

Дать брошюру — «Что несет Гитлер крестьянству».

Сегодня было несколько воздушных тревог. Молодой летчик-истребитель сбил над Таврическим садом Ю-88. Ночной таран! Взят в плен девятнадцатилетний летчик, остальные разбились.

5 ноября 1941 года.

(137-й день войны.)

Спал... Тихо... Отдохнул... С утра слушал Москву — сильные помехи немцев...

Пятый день нет центральных газет. Телефонная связь с Москвой обрывается. Сведений о Союзе писателей мы не имеем.

Немцы опять жмут на Московском направлении: Можайское направление и пр. Опять трудные дни...

В 12 часов слушаю Москву: «Ожесточенные бои».

Налет советской авиации на Данциг, Кенигсберг и другие города.

Еду на «Полярную звезду». В 2 часа 15 минут — мой доклад... Было до ста пятидесяти политработников и командиров Подплава.

После доклада — в Военный совет. Обсуждаем текст обращения КБФ к Москве.

Когда мы вышли из Военного совета, недалеко от нас разорвался снаряд — слепящий блеск разрыва...

Трамвай полон. Вышли на углу Невского и Литейного. Прямые проспекты, вечерний сумрак, спешащая куда-то толпа, знакомые магазины букинистов... Каждый день в Ленинграде — острый, в темпе... Вся жизнь напряженная, боевая. Я пью ее, не отрываясь. О, мой чудесный город!..

Литейный, 18...

Сидим у матери Цехновицера и его сестры. В квартире темно.

Воздушная тревога... Разрывы бомб...

Беседуем с осиротевшей семьей...

Опять разрывы.

В Политуправлении встреча с летчиками. Зовут к себе в гости.

Устоять и, передохнув, взяться за зимнюю подготовку!

11 часов. Возвращаемся под звуки «Интернационала» (из радиорупоров) с Васильевского острова — домой.

Луна, облака... Высоко поднялись аэростаты заграждения. На Фонтанке пожар, много битого кирпича... Дымно... Воронки на набережной, воронки у Чернышевского моста. Четыре разрыва бомб! Близко...

В нашем доме вылетели стекла, и весь «уют» — к чертям!

Новая воздушная тревога. Люди идут вниз, а мы идем в наш «дот» — маленькую комнатку без окон, где темно и холодно. Перешли на «новый рубеж»...

Делимся впечатлениями довольно горячего дня. Поставили чайник... Пьем чай (хлеб с маслом — в ограниченном количестве).

Из каких-то домов во время бомбежки пускали красные ракеты: это работают диверсанты.

6 ноября 1941 года.

(138-й день войны.)

Ночь прошла тихо. С утра надо сдать материалы в редакцию «КБФ».

По карточкам — праздничная выдача: пол-литра вина, конфеты.

Поехал к разведчикам. Много интересного рассказал полковник Фрумкин.

Читал у них радиобюллетени. Москва упорно сопротивляется. Последние атаки немцев отбиты. Подходят резервы...

Немцы пишут о провале налетов английской авиации на Германию.

Немцы бросили на центральный Московский фронт до двадцати тысяч танков. Индустрия Германии (по ряду сведений) дает еще по шестьдесят самолетов в день. Это, я думаю, перекрывает их потери, но с кадрами у них все хуже.

Англичане, американцы и шведы пишут о великом сопротивлении СССР и полны уважения к нам.

Мне обещали устроить беседу с пленными немцами. Они многое не рассказывают, обычно ссылаются на «*Befehl*» (приказ).

Взяли одного снайпера («кукушка») — истощенный до-
нельзя, не ел трое суток...

Надо допрашивать умно, чтобы пленные не ощущали
повышенного интереса к ним...

Временами стрельба. Вчера бомбили центр города.
Немцы нам это обещали в листовках. Сегодня, в канун
праздника, надо ждать усиленных налетов. Против нас дей-
ствует теперь эскадрилья «Гинденбург». Это до тридцати
«юнкерсов», летчики хорошо одеты и снабжены. Это на-
ши «старые знакомые» по августовским дням 1941 года.
Мы им угробили уже много машин и людей, — в частности
их командира.

Еду на Каляеву. Воздушные тревоги...

Немцы не смогут помешать нам встретить наш Ок-
тябрь!

Речь Сталина...

7 ноября 1941 года.

(139-й день войны.)

Едем на «Полярную звезду» к подводникам.

Ура Октябрю!

Федя Иванцов утопил к празднику сорок тысяч немец-
кого тоннажа!

Братский прием, по-русски душевно, тепло и ласково.
Все — «на товсь»...

Город праздничный, флаги, гуляющие... *Обстрелы не
могут этому помешать.* Реакция минимальная.

² Товсь — предварительная команда у орудия, означающая, что
все готово для выстрела; по исполнительной команде (реву) раз-
решается произвести выстрел (Самойлов К.И. Морской словарь. —
М. — Л.: Государственное Военно-морское Издательство НКВМФ
Союза ССР, 1941).

Я принимал друзей на Каляевой. На душе хорошо. Пришла открытка от С. К. Родная моя!

Три часа дня. На мотоцикле в город. Опять на «Полярную звезду». Вечером написал оптимистический очерк в «Правду».

Идет эвакуация Ханко.

Читал центральные газеты... Отклики на речь...
Снегопад, тихо.

8 ноября 1941 года.
(140-й день войны.)

Сижу дома. Тихо. Подготавливаю дела — их груды.

Еду на мотоцикле в группу. Набережная Красного Флота, 8. Провел совещание: итоги с 29 октября по 8 ноября включительно. Дело идет. Пишем в Политуправление — отчет. Дал ряд указаний товарищам: подтягиваю организационную сторону.

Воздушная тревога (в пятом часу). Грохот... Работаем...
Машинистка ушла в убежище. Удар был по центру: на Садовой три бомбы попали в Апраксин двор; пожар на Литейном.

Кончил работу в 6 часов 30 минут вечера, иду пешком через город на Каляеву.

Тихая ночь. Много рассказов о прошлом. Нина Кравец³ рассказывает о моем отце: «Он был веселым, общительным, любил работу. Всюду успевал: лекции, кино. Поспит после обеда и сейчас же дальше».

В последнее лето перед смертью он уехал в Сухуми, загорел, вернулся весь бронзовый, массивный. Схватил по возвращении воспаление легких и умер.

Батя, батя...

³ Друг семьи Вишневских.

9 ноября 1941 года.

(141-й день войны.)

Москва по радио передала мой октябрьский очерк из «Правды» (7 ноября — о подводниках Балтики).

Едем на «Смольный»⁴. Здесь выделяют добровольцев. На двадцать вакансий — сотни охотников. На «Смольном» на три места — шестьдесят человек. Это люди для прорыва.

Есть сведения, что жмут немцев на Северной дороге. Но они на десятки километров сняли рельсы и шпалы...

Ждут с моря подлодку Иванцова.

Второй день нет телефонной связи с Москвой.

У нас все труднее с бензином. Нужна магистраль! Ранний ледостав осложнил доставку грузов по Ладоге.

...Все это я пишу на концерте, на «Смольном». Концерт⁵ ленинградской интеллигенции трогает и волнует. Через час-два нас опять будут бомбить, но классика жива, будет жить. Велики силы народа! Мне только жаль, что темпы современной жизни так давят на наш стиль, на наше сознание. А хотелось бы точно, уверенно, неторопливо описывать все, минуту за минутой: и юмор, и смерти, и все. Я рад тому, что пока цел, остальное — дело судьбы. Слушаю музыку, затаив дыхание.

Едем в отделение «Правды». Скользко. Падаем, но «без потерь»!.. Добрые вести из Москвы: окружена и уничтожена немецкая группировка в полторы дивизии у Калинина. Уничтожена финская группировка на Свири. Идет подготовка Ленинградского фронта. Надо усилить технику...

10 ноября 1941 года.

(142-й день войны.)

Едем в Подплав. Большая беседа с командиром подлодки И. Вишневым. Сделал подробную запись его похода для книги.

⁴ Военный корабль.

⁵ Самодеятельный.

Затем в комендатуру города (на постоянную прописку). Помощник коменданта города — заботлив — все сделал в три минуты (можно при желании...).

Иду на набережную Красного Флота, 38. Проверяю дела группы, дежурства, снабжение и пр.

В шесть часов обед в столовой Пубалта. (Суп — вода, немного каши с маленьким кусочком мяса.)

Хлеб срезан до четырехсот граммов (военный паек). Хватит и этого... Понятно...

Потрясли рассказы товарищей, вернувшихся из немецкого тыла: немцы принудительно берут у населения кровь для своих раненых, вырезают у наших людей кожу для пластических операций и т. д.

Получил задания в Политуправлении.

Написать: о лодке Иванцова (сдать 11–12 ноября), о «Марате» — линкор бьет, о Ладожской флотилии (дать людей) к 12 ноября.

Кроме того, мне поручили написать листовку о ненависти к врагу и план на пятнадцать дней вперед. Завтра прислать Рыбакову.

Из рассказов:

«У некоторых собак появился рефлекс на воздушную тревогу — бегут в бомбоубежище. Часть публики в бомбоубежище за собак, а часть — против».

«Под Тихвином бои — движение наших танковых частей».

«Для нас заготовлено много эшелонов с продовольствием на северо-востоке и на Волге».

«Два ленинградских “литератора” со стыдом просили горком о возвращении. Ответа не получили! Испуганные интеллигентки...»

Немцы бросают бомбы замедленного действия.

9-го — речь Гитлера (ага, взяло!), распинается: «Под Москвой нам помешали дожди, снег и грязь». Вот именно!

Читаю речь Черчилля от 8 ноября — боевая (?), но хотелось бы знать точнее, что и как собирается делать Англия.

Финны под Октябрьские праздники ходили в атаку, им попало!.. Моряки отличились!

На Неве... Луна, холодновато и скользко. Занесли три письма улетающему завтра в Москву товарищу. Идем на Васильевский остров к Кронштадтской пристани. С 12.30 до 2.30 (ночи) — там. Читал письма к комиссару лидера от бойцов, от членов их семей и т. д. Письма интересны. К трем часам ночи дома. Тихо.

11 ноября 1941 года.

(143-й день войны.)

Встал в десять часов. Идет обстрел нашего района. Дребезжат стекла. Вниз, в убежище, бегут матери с детьми.

В кухне холодно и неудобно. Бреюсь. Разорвалось несколько снарядов, близко... Погас свет.

Мчимся на базу Подплава... Холодно и пасмурно... На прибывшей из похода подводной лодке вся команда выстроилась на палубе. Личный состав лодки поздравили с победой и возвращением...

Балтфлот действует и будет действовать. Моряки дерутся везде, и враг, как только появляются полосатые флотские тельняшки и черные шинели, — трепещет. Надо быть готовым и к боям сухопутным.

Поздравил командира лодки товарища Иванцова и комиссара лодки от имени ЦО: «Привет героям Балтики», — и передал доставленный на самолете номер «Правды» (от 9 ноября) с очерком о них.

Командир лодки Иванцов — среднего роста, с бачками, крепкий. Снял шинель и по карте докладывает деловито, спокойно, объективно:

«... 15 октября я вышел в атаку на танкер. Неудачно... Я пошел опять, но танкер круто ушел — дал тринадцать узлов... Вижу — навстречу идет второй корабль. Он дает восемь узлов. Я иду параллельно. Дал упреждение, залп (с трех кабельтовых, в упор). Угодили. Он носом в воду. Корабль потонул через двадцать минут. Это был танкер. Я и комиссар наблюдали с мостика.

17 октября — вижу транспорт. Я лег в атаку. Их торпеда развернулась на нас. Я отвернул, сманеврировал, дал залп. Он тут же утонул. Поднялся шторм до одиннадцати баллов. Хожу, никого не вижу. Здорово качало.

18 октября — идет транспорт курсом *Nord*. Я с семи кабельтовых дал залп, — он через две минуты погрузился. Вижу — над нами самолет... (с *S-West'a*)! Убрал всех на погружение...

2 ноября ничего не было видно. Даже финской лайбы! Наконец увидел транспорт. Опять с семи кабельтовых дал залп. Попали в центр корабля. Огонь, взрыв! Я всплыл, но корабль уже утонул.

5 ноября. Видим танкер (25 кабельтовых на *Nord*). Я дал залп — торпеда угодила в корму. Танкер длинный, тысяча на десять тонн, «благополучно» стал тонуть (*смех*). Всплыли. Увидели пятно. Хотели уйти, но решили под праздник потопить еще пару кораблей.

6 ноября — шторм семь баллов. Какой-то (наш?) тральщик меня высветил оранжевым прожектором... По радио получил распоряжение командира соединения: «Возвращаться». Отдохнули, зарядились. Я отлежался, проверил все механизмы... Началась пурга. Мы погрузились... и шли с быстротой 2,5 узла... Потом всплыли. Плохая видимость... Определился. Лег на курс 73 градуса и пошел. У Гогланда меня встретили наши тральщики.

От подводников еду в отделение «Правды».

Известие от С. К.: «Все в порядке, здорова». Пусть так, хочу верить. Дошли ли до нее мои письма?